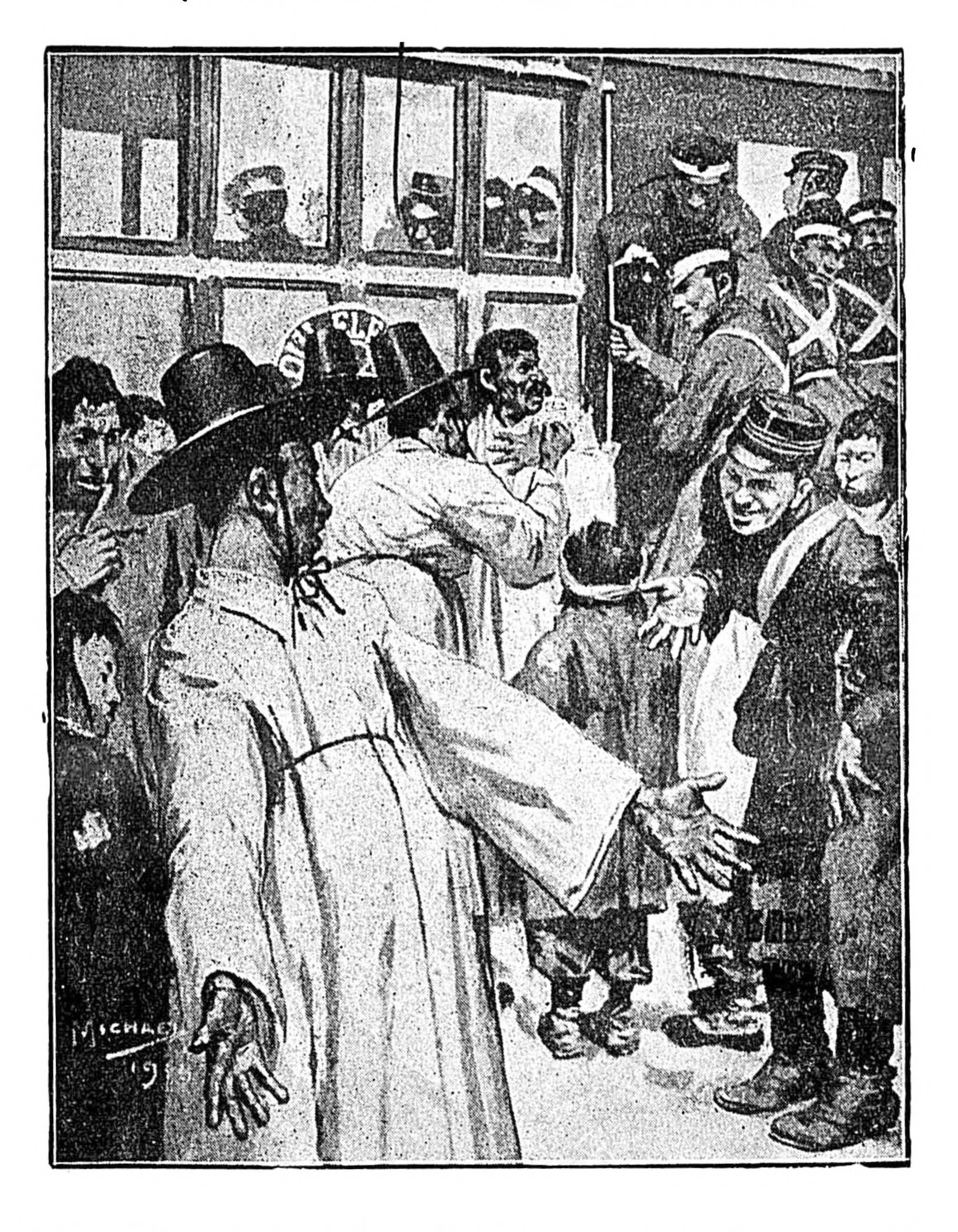
Цѣна 15 коп.

Японцы, корейцы и хунхузы.

Очерки изъ жизни азіатовъ Дальняго Востока.

Содержаніе: Стихотвореніе кн. Э. Ухтомскаго. Мутсу-Гитто, японскій императоръ. Японцы. Хунхузы. Описаніе Японіи и Кореи.

Собралъ и издалъ С. С. Полятусъ.

Дозволено цензурою. Одесса, 25 февраля 1904 г.

ОДЕССА, 1904.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана,
Троицкая 26, уг. Пушкинской.

* * *

Изъ сказочной дали, отъ властной бездны моря,
Гдѣ тучи собрались, съ лазурью неба споря,
Доходитъ громъ...
Народы онъ зоветъ словами укоризны,
Подъ пламенный призывъ взволнованной отчизны,
На бой съ врагомъ.
Но сердцу эта вѣсть звучитъ какимъ-то стономъ,
Надъ скорбною душой могильнымъ перезвономъ
Гудитъ гроза—
И въ трепетѣ ея, смягчая ужасъ ночи,
Пока въ упорный мракъ устало смотрятъ очи,
Горитъ слеза...
И осѣнясь крестомъ предъ страшнымъ часомъ боя,
Стряхнувъ съ больной души суровый гнетъ покоя,
Мы встрѣчи ждемъ.
Опять встаетъ заря... багряная, въ туманахъ...
Грядущій тусклый день какъ будто въ новыхъ ранахъ,—
И мы идемъ!

„С. П. В.". **Кн. Эсперъ Ухтомскій.**

Мутсу-Гитто.

(Японскій императоръ).

Японія хочетъ и, надо полагать, будетъ играть выдающуюся роль въ исторіи XX столѣтія. Экономисты, дипломаты и спеціалисты ученые предсказываютъ этой странѣ блестящую будущность. Не удивительно поэтому, что на Японію обращены теперь всѣ взоры, она составляетъ главный интересъ. О ней написаны уже сотни тысячъ газетныхъ и журнальныхъ строкъ и не мало спеціальныхъ трудовъ.

Для насъ же русскихъ, особенно въ виду войны съ Японіей, она имѣетъ особый интересъ и мы думаемъ поэтому, что весьма современно будетъ познакомить нашихъ читателей со всѣмъ, что только есть интереснаго и выдающагося въ Японіи.

Не такъ еще давно, какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ, Японія находилась въ такомъ же жал-

комъ положенiи, какъ Германiя до изобрѣтенiя пороха. Экономическое ея состоянiе, вслѣдствiе существовавшаго тогда феодальнаго общественнаго строя, было самое плачевное. Страна, раздѣленная территорiально между многочисленными феодалами, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности игралъ роль маленькаго князька, была разслаблена внутренними распрями между феодалами. Только избавившись отъ феодальной аристократiи, Японiя рѣшительно и быстрымъ темпомъ пошла по стопамъ европейскихъ державъ—стала военнымъ государствомъ и, надо отдать ей справедливость, сдѣлала громадный успѣхъ въ военныхъ наукахъ, до того громадный, что смѣло выступаетъ теперь въ состязанiе со своимъ учителемъ—Европой.

Эти быстрые успѣхи дѣлались не безъ усиленныхъ трудовъ. Приходилось бороться вѣками укоренившимися традицiями, больше, пришлось радикальнымъ образомъ перемѣнить, создать новый общественный строй. Колоссальный трудъ реформированiя строя азiатской Японiи въ современное европейское государство приписывается у насъ въ Европѣ единогласно Императору Мутсу-Гитто, потомка древней японской династiи, который два десятилѣтiя уже стоитъ во главѣ своей страны и съ неутомимой энергiей защищаетъ ея интересы. Надо полагать, что единогласное мнѣнiе цивилизованной, видавшей уже виды Европы—безошибочно, а потому и безошибочно и другое ея мнѣнiе, что Мутсу-Гитто можетъ считаться замѣчательнѣйшей личностью въ исторiи. Близкое знакомство съ этой личностью представляетъ, несомнѣнно живой интересъ.

Генеалогическое дерево Мутсу-Гитто беретъ свое начало съ 660 г. до Р. Х. т. е. 2602 года тому назадъ, а онъ самъ сто двадцать третiй императоръ своей династiи.

Родился Мутсу-Гитто 3 ноября 1852 года и вступилъ на престолъ 13 февраля 1866 года. Спустя два года, т. е. 9 февраля 1868 года онъ вступилъ въ бракъ съ Гарукой, третьей дочерью куга (князя) Ихiо Тадака.

Но раньше, чѣмъ перейти къ характеристикѣ личности императора, мы должны въ краткихъ чертахъ познакомить читателя съ исторiей престолонаслѣдiя.

Престолонаслѣдiе въ Японiи, по словамъ историковъ, соблюдалось не съ той строгостью, какъ у насъ въ Европѣ. Изъ толпы сыновей, родившихся отъ наложницъ, выбирался наслѣдникъ, на тронъ

нерѣдко возводились также и женщины, наконецъ, императоръ пользовался правомъ усыновлять одного изъ потомковъ древне-аристократической фамиліи и назначать его въ наслѣдники своего престола. Такимъ образомъ, случаи прямого престолонаслѣдія, отъ отца къ сыну, были довольно рѣдки.

Въ первыя столѣтія существованія этой династіи, родоначальникомъ которой былъ Иму-Тенно „сынъ неба“, императоръ былъ самодержавнымъ властелиномъ. Но послѣ него вліяніемъ и властью стали пользоваться родовые аристократы-феодалы, близко стоявшіе къ трону, а черезъ нѣсколько столѣтій вліяніе и власть ихъ до того усилились, что императоръ сдѣлался въ ихъ рукахъ какой-то безвольной куклой, которая садилась и сбрасывалась съ трона по личному желанію регентовъ-узурпаторовъ.

При такомъ порядкѣ вещей претенденты на престолъ, которыхъ было очень много, жили замкнуто въ своихъ деревянныхъ дворцахъ, отрѣзанные отъ внѣшняго міра и оставались въ полномъ невѣдѣніи, относительно величія и своеобразія своей страны. Единственное общество, въ которомъ проводили свое время японскіе микадо — ихъ собственныя жены и придворная свита. Такъ незавидно жили сыновья неба и солнца, такъ жилъ и нынѣ царствующій Мутсу-Гитто.

Кто могъ сказать, кто могъ предвидѣть, что этотъ погребенный въ своемъ убогомъ дворцѣ князекъ, будетъ черезъ четверть вѣка побѣдителемъ сильныхъ и многочисленныхъ феодаловъ, будетъ властелиномъ Японіи безъ соперниковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ это уже совершившійся фактъ исторіи, хотя и кажется онъ чѣмъ-то невѣроятнымъ, какой то фантастической японской сказкой. Но самымъ невѣроятнымъ изъ всего случившагося кажется то, что императоръ Мутсу-Гитто, видѣвшій до шестнадцати-лѣтняго возраста очень немногихъ посторроннихъ людей, впервые покинувшій, семнадцати лѣтъ отъ роду, свой дворецъ и увидѣвшій тогда впервые своими глазами зеленыя рисовыя поля — что этотъ юноша черезъ нѣсколько лѣтъ создастъ армію по европейскому образцу, введетъ европейскую культуру съ европейской внѣшней цивилизаціей среди своихъ вѣрноподданныхъ, а въ 1889 году дастъ уже своей странѣ конституцію.

Мутсу-Гитто, какъ и всѣ великіе люди, отличается способностью выбирать и окружать себя дѣятельными сотрудниками, которые, въ дѣлѣ преобразованія Японіи, раздѣляютъ славу со своимъ

императоромъ. Всѣ предписанія, нововведенія, мѣропріятія идутъ, конечно, отъ имени императора, но онъ не всегда является дѣйствительнымъ иниціаторомъ этихъ нововведеній и авторомъ предписаній. Да и было бы совершенно невозможно ожидать, чтобы императоръ, не видѣвшій ни разу въ своей жизни открытаго моря, не видѣвшій никогда другого солдата, кромѣ самурая (двумечника), чтобы такой императоръ могъ лично создать образцовую армію и флотъ, призвать нѣмецкихъ штабныхъ офицеровъ для обученія своей новой арміи, все это было сдѣлано при участіи и большей частью даже по указаніямъ его неутомимыхъ сотрудниковъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ маркизъ Ито, японскій Бисмаркъ, за нимъ слѣдуютъ Ямагата, Инуйе, Ямада, Аоки, аба Сайго, Курада, Мутсу, Охама, Окубо, Іошидо, Терашима и многіе другіе.

Но въ томъ именно и заключается главная заслуга Мутсу-Гитто, что онъ пересталъ быть сыномъ „солнца", безъ боли разстался съ „небомъ" и спустился на землю, къ людямъ, къ своимъ вѣрноподданнымъ. Для этого нужно было много душевныхъ и умственныхъ качествъ, какими, очевидно, обладаетъ сто двадцать третій потомокъ древней японской династіи. Вмѣсто того, чтобы поддаваться настроеніямъ общественнаго мнѣнія, Мутсу-Гитто самъ первый подавалъ примѣръ; онъ приказывалъ и первый же повиновался своему приказу.

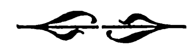
Государь первый подчинился необходимости принести въ жертву своеобразную тысячелѣтнюю культуру своей страны, чтобы надѣть оковы европейской культуры—и народъ послѣдовалъ за своимъ императоромъ, кто изъ убѣжденія, кто изъ боязни ослушаться своего „полубожественнаго повелителя". Преобразованіе же двора и всего правительственнаго механизма на европейскій манеръ было встрѣчено сочувственно всей націей. Принцъ Коматсу и гофмаршалъ Саннемся Зошитано отправляются путешествовать по европейскимъ столицамъ, чтобы лично и на мѣстѣ изучить взаимныя отношенія европейскихъ дворовъ и мельчайшія подробности древне-испанскаго церемоніала и, по возвращеніи своемъ въ Японію, стараются насадить всю эту культуру на родной землѣ. Почва оказалась благопріятной, „европеизмъ" прививался быстро и рѣшительно и Японія изъ азіатской сдѣлалась „западной".

Когда Петръ Великій побѣдилъ шведовъ при

Полтавѣ, онъ, въ присутствіи плѣнныхъ шведскихъ генераловъ пилъ за здоровье своихъ учителей.

Японія также должна была бы пить здоровье своихъ европейскихъ учителей, но Мутсу-Гитто—не Петръ Великій и Японія, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, оказалась совсѣмъ не благодарной ученицей.

„Е. Н."

Японцы.

Японцы—народъ туранскаго племени, какъ и монголы, съ нѣкоторой примѣсью малайской расы, къ которой, вѣроятно, принадлежало первобытное населеніе. Японскій языкъ также принадлежитъ къ семьѣ туранскихъ. У насъ многіе склонны смѣшивать японцевъ, какъ этнографическую особь, съ китайцами. Но на самомъ дѣлѣ между народами этими большое различіе, начиная съ языка. Слова японскаго языка—многосложныя, а не односложныя, дополняемыя привѣскомъ другого слова, замѣняющаго значеніе. Письменные знаки заимствованы японцами у китайцевъ въ то время, когда китайская цивилизація господствовала и въ Японіи. Но японцы впослѣдствіи отбросили китайское эмблематическое письмо и остановились всего на 40 китайскихъ письменныхъ знакахъ съ наиболѣе рельефными очертаніями и употребляютъ ихъ, какъ знаки фонетическіе, то есть, какъ буквы.

По характеру, японцы гораздо подвижнѣе, энергичнѣе и жизнерадостнѣе китайцевъ, гораздо воспріимчивѣе къ перемѣнамъ. Они легче увлекаются и оживлены сильнымъ патріотическимъ духомъ, между тѣмъ какъ китайскій патріотизмъ заключается лишь въ пассивной приверженности къ установившимся формамъ, которыя опутываютъ жизнь народа. Большая распространенность въ Японіи грамотности, ослабленіе граней между сословіями, вслѣдствіе реформы 1868 г., отмѣнившей феодальный строй, стушеваніе различій между вѣроисповѣдными группами, вслѣдствіе введенія полной религіозной свободы, распространеніе европейской науки и сосредоточеніе общественнаго вниманія на успѣхахъ техническихъ, промышленныхъ, военныхъ—все это придаетъ современному японскому обществу выдающееся единство настроенія. А при живомъ темпераментѣ японцевъ и ихъ склонности къ преувеличеніямъ, правительству легко было вызвать воинственнный энтузіазмъ въ цѣлой массѣ. Но тѣ же самыя условія—согласное настро-

еніе и вмѣстѣ крайняя подвижность японскаго общества—могутъ, при первой серьезной неудачѣ, составить для правительства немалыя затрудненія.

Японія подвигается впередъ гигантскими шагами и народъ уже теперь начинаетъ принимать участіе въ управленіи страной. Стремленіе къ самоуправленію стало развиваться въ Японіи, начиная уже съ 1859 года, какъ только страна была открыта для иностранцевъ и японцы получили возможность ближе ознакомиться съ европейскими обычаями. Микадо пошелъ навстрѣчу желаніямъ общества и ежегодно созывалъ въ Токіо губернаторовъ провинцій, для совмѣстнаго обсужденія нуждъ и желаній народа. Между тѣмъ, въ народѣ стали образовываться небольшія политическія ассоціаціи, имѣвшія цѣлью вызвать движенія въ пользу конституціоннаго управленія и введенія реформъ въ Японіи. Правительство не препятствовало развиваться этимъ политическимъ группамъ и мало по малу всѣ эти группы слились въ одну большую либеральную партію 1860 г., подъ руководствомъ Уягаки. Вскорѣ, однако, въ этой партіи произошелъ расколъ, и наиболѣе передовые элементы вышли изъ нея и образовали партію прогрессистовъ съ графомъ Окума во главѣ. Обѣ партіи до сихъ поръ вмѣстѣ съ феодальною партіей, остаются руководителями японской политики. Народу было обѣщано введеніе конституціи въ 1890 г., но на самомъ дѣлѣ оно состоялось раньше, и въ 1889 году наступленіе конституціонной эры было отпраздновано, какъ національный праздникъ. Дополнительное постановленіе 1900 года внесло нѣкоторыя перемѣны въ избирательномъ правѣ въ томъ отношеніи, что право голоса получили всѣ 25-ти лѣтніе граждане, уплачивающіе хотя бы минимальный налогъ. Такъ какъ въ Японіи даже небольшой доходъ рабочаго или ремесленника подлежитъ обложенію налогомъ, то, слѣдовательно, въ выборахъ не принимаетъ активнаго участія только пролетаріатъ, совершенно лишенный всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни.

Японскій парламентъ состоитъ изъ верхней и нижней палаты, и всякій законъ, для того, чтобы получить силу, долженъ предварительно получить одобреніе обѣихъ палатъ и затѣмъ уже онъ долженъ подлежать санкціи микадо. Такимъ же точно образомъ утверждается и государственный бюджетъ. Однако, микадо управлялъ страной безъ парламента въ теченіи 8-ми лѣтъ по изданіи конституціи. Это было возможно, благодаря слѣдующему

параграфу японской конституціи: „Въ случаѣ войны или національныхъ волненій, монархъ управляетъ страной, не неся отвѣтственности передъ націей". Японскіе министры отвѣтственны только передъ монархомъ, согласно 55-й статьѣ конституціи, хотя они и должны скрѣплять своею подписью его рескрипты. Что же касается парламента, то они не обязаны давать ему никакихъ объясненій относительно своей политики и японскому министру вполнѣ предоставляется право отвѣчать или нѣтъ на запросъ, предложенный ему въ палатѣ, такъ какъ онъ не обязанъ входить ни въ какія объясненія. Кромѣ того, микадо обладаетъ неограниченными правами распускать парламентъ и, благодаря этому праву, еще ни одинъ японскій парламентъ не дотянулъ до своего срока.

II.

Японскій народъ сродственъ другимъ азіатскимъ народамъ и между нимъ и южно-азіатскими народами существуютъ расовыя симпатіи. Письменный языкъ Японіи такой же, какъ Кореи и Китая въ своихъ высшихъ формахъ, и въ этомъ заключаются важныя условія для болѣе тѣснаго единенія, чего нѣтъ у кавказскихъ расъ, и поэтому то японцы лучше ихъ понимаютъ азіатскую точку зрѣнія. Японскіе купцы, въ особенности мелкіе торговцы, поселяются въ разныхъ мѣстахъ Китая, куда не придетъ въ голову отправиться ни одному европейскому купцу. Въ Манчжуріи, находящейся подъ контролемъ Россіи, число японскихъ торговцевъ значительно превосходитъ число русскихъ. Но больше всего дѣятельность Японіи проявляется въ Кореѣ: у нея есть тамъ агенты, которыхъ не можетъ имѣть никакая другая страна—это ея эмигранты. Японскія поселенія распространены по всей странѣ отъ манчжурской границы до южнаго мыса. Эти поселенія также какъ и японскіе кварталы въ корейскихъ городахъ, всегда хорошо управляются, и населеніе ихъ, повидимому, процвѣтаетъ. Японскій рабочій, обыкновенный кули, скоро устраивается въ Кореѣ, покупаетъ кусочекъ земли или же арендуетъ какую-нибудь маленькую лавочку. У корейскаго рабочаго, при видѣ этого, конечно, возникаетъ желаніе и съ своей стороны также устроиться, и онъ старается подражать японскому эмигранту.

Если мы прослѣдимъ исторію Японіи въ Кореѣ, то увидимъ, что за свое многовѣковое пребываніе въ Кореѣ Японія сумѣла воспитать къ себѣ и укрѣпить въ корейскомъ народѣ самую прочную

ненависть. Для Японіи, тѣмъ не менѣе, Корея представляетъ столь же жизненную потребность, какъ воздухъ, которымъ дышетъ японское населеніе, и добровольно отъ Кореи Японія никогда не откажется.

Если бы даже кровавый призракъ войны не сдѣлался дѣйствительностью, то и тогда миръ нельзя будетъ считать прочнымъ, такъ какъ Японія направитъ всѣ свои старанія къ скорѣйшей колонизаціи Кореѣ. Уже и въ настоящее время въ Кореѣ насчитываютъ болѣе 30-ти тысячъ японцевъ-колонистовъ, которые осѣли не только въ пунктахъ, открытыхъ для европейцевъ, но расползлись по всей странѣ вопреки всякимъ запретамъ. Мало того, Японія, предвидя, быть можетъ, борьбу народовъ Запада съ народами Востока, рѣшила начать объединеніе народовъ Востока, т. е. Китая и Кореи, подъ своимъ вліяніемъ. Въ Японіи образовалось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ общество, которое не только проводитъ идею союза съ Китаемъ, но направляетъ эмиграцію во всѣ ближайшія страны, заселяя ихъ колонистами, ремесленниками, торговцами, учителями.

Японія обратила свое вниманіе и на Монголію. Въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года черезъ Пекинъ проѣхали къ князю харсинскому нѣсколько японокъ-учительницъ, которыя должны основать въ княжествѣ школы для монголокъ. Княжество харсинское занимаетъ юго-восточный уголъ Монголіи и соприкасается съ проходящей восточно-китайской желѣзной дорогой по Манчжуріи. Существующій въ Японіи „Восточно-азіатскій культурный союзъ" имѣетъ многихъ убѣжденныхъ послѣдователей и среди китайцевъ. Направляя свое вліяніе въ Монголію, ближайшую къ Манчжуріи, союзъ, въ данномъ случаѣ, воспользовался родственными связями монгольскаго харсинскаго князя съ китайскимъ княземъ Су.

Не только этотъ случай просвѣщенія монголовъ японцами, но и многія другія явленія въ жизни Дальняго Востока говорятъ, что Японія твердо будетъ держаться убѣжденія объединить восточные народы. Война, побѣдоносная для той или другой стороны, не дастъ прочнаго мира, а послужитъ только началомъ длительнаго истребленія человѣческаго рода.

„Ю. О.".

Хунхузы.

Что такое хунхузы?..

„Хунхузъ" или „Хунхудза"—по китайски разбойникъ, грабитель.

Въ буквальномъ же переводѣ слогъ „хун“— значитъ рыжій, красный; слогъ „хуза“ или, правильнѣе, „худза“—по китайски борода. Такъ что „хунъ-хузъ“ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „рыжая борода“. Первоначально Манджуры называли этимъ именемъ англичанъ, потомъ оно перешло къ ихъ единоплеменникамъ. „Хунхузами“ китайцы и Манджуры называютъ своихъ разбойниковъ.

Азіатскіе разбойники „Красная, или рыжая борода“—сравнительно довольно мирнаго нрава. Китайскіе и манджурскіе „хунхузы“ рѣдко убиваютъ, даже рѣдко и грабятъ; они, какъ болѣе сильные и протестующіе изъ среди единоплеменниковъ, обложили ихъ только данью.

Хунхузъ—это Соловей-разбойникъ на азіатской почвѣ. У него нѣтъ ни широкаго размаха натуры, ни излишняго „молодечества“; онъ значительно умѣреннѣе и, пожалуй, культурнѣе Соловья-разбойника и Стеньки Разина, но за то онъ и трусливѣе ихъ.

Вотъ крайнее опредѣленіе хунхуза: хунхузъ— это то же, что нашъ золоторотецъ, оставшійся на время безъ работы. Нѣтъ у золоторотца-босяка ни избы, ни заработка; онъ привыкъ уже къ праздной, полу-пьяной жизни—и идетъ онъ на „промыселъ опасный“. Удалось ему понажиться—онъ на время сытъ, одѣтъ и пьетъ водку. Это—русскій хунхузъ. Нѣтъ у безсемейнаго китайца ни фанзы (фанза—домъ), ни чоховъ (чохи—мѣдныя деньги манджуръ); онъ привыкъ къ безалаберной жизни и идетъ съ шайкой такихъ же „хунхузовъ“ облагать „данью“ земельныхъ манджуръ. Удалось имъ либо силой, либо одними требованіями собрать „ясакъ“ съ мирныхъ манджуръ—и азіатъ-босякъ на время сытъ, куритъ опій и пьетъ ханшинъ (ханшинъ— манджурская водка). Это китаецъ, манджуръ. Одинъ русскій мнѣ говорилъ, что при наймѣ манджурскихъ рабочихъ онъ всегда требовалъ, чтобы манджуры показывали ему руки. Если ногти манджура оказались длинными, а руки изнѣженными, то такіе рабочіе браковались. Упомянутый русскій считалъ ихъ „хунхузами“. Но это безошибочное, по его (и нѣкоторыхъ другихъ) мнѣнію, опредѣленіе „хунхузовъ“ въ отличіе отъ „честныхъ“ манджуръ можетъ быть принято только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. У манджуръ-китайцевъ считается признакомъ „хорошаго тона“ отращиваніе длинныхъ ногтей на рукахъ. Кромѣ того манджуръ могъ раньше заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, напр., тор-

говлей; наконецъ, долгое время онъ могъ оставаться безъ работы и проч.,—но для этого не надо обязательно быть „хунхузомъ“, если только отпущены длинные ногти и не загрубѣли руки!

Если „хунхузомъ“ назвать какого нибудь перваго попавшагося честнаго китайца—гдѣ бы вы не встрѣтили его: въ Китаѣ, Манчжуріи или въ Уссурійскомъ краѣ,—то вы его этимъ сильно разобидите. Нѣтъ, кажется, болѣе позорной клички среди китайцевъ, какъ „хунхузъ“.

Мнѣ приходилось наблюдать, какъ добродушный флегматикъ-китаецъ, когда его назвали въ раздраженіи хунхузомъ, положительно становился какимъ-то звѣремъ. Глаза его наливались кровью; онъ становился въ угрожающую позу, точно хотѣлъ броситься на обидчика, и ломаннымъ русскимъ языкомъ отрывисто кричалъ:

— Моя не хунхуза, моя честна китаецъ... не хунхуза!..

Даже, если, въ видѣ шутки, я, бывало, спрашивалъ моего слугу-китайца, не былъ ли онъ раньше хунхузомъ, то послѣдній замѣтно мѣнялся въ лицѣ, блѣднѣлъ и съ сдержаннымъ гнѣвомъ отвѣчалъ, что онъ „не хунхузъ“.

Сдѣлаться „хунхузомъ“ заставляютъ китайца только нужда, постигшія бѣдствія да рядъ сплошныхъ неудачъ. Обыкновенно, это выходцы изъ Китая, прогорѣвшіе на всѣхъ прежнихъ „честныхъ“ предпріятіяхъ. За время пребыванія въ Манчжуріи я видѣлъ нѣсколькихъ хунхузовъ въ натурѣ и на фотографіяхъ. Выраженіе ихъ лица скорѣе тупое, равнодушное, даже безпечное, забитое или деревянное, чѣмъ напоминающее страшнаго разбойника. Китайцы—народъ крайне миролюбивый и добродушный. Это обстоятельство отражается и на ихъ разбойникахъ. Хунхузъ предпочитаетъ обложить данью своихъ соплеменниковъ, нежели грубо ограбить ихъ. Хунхузъ—это сборщикъ податей, но податей, собираемыхъ лично по своей иниціативѣ и только въ свою пользу.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ хунхузы употребляютъ насилія: но тогда это будетъ не быстрое разбойничье нападеніе, а медленная жестокая пытка. Вотъ чѣмъ еще антипатичны хунхузы: путемъ безчеловѣчныхъ пытокъ, они заставляютъ откупаться зажиточныхъ манчжурскихъ купцовъ и промышленниковъ; они иногда нападаютъ на цѣлыя деревни. Противъ хунхузовъ манчжуры обносятъ свои города и деревни высокими земляными валами, содержатъ особую стражу, платятъ добровольную

дань. Но все это не вполнѣ достигаетъ цѣли, ибо главная причина непрекращенія „хунхузничества“ въ Манчжуріи та, что хунхузы, обыкновенно, находятся подъ покровительствомъ продажнаго манчжурскаго чиновничества, которое не прочь получить „долю“ съ добычи хунхуза, за что и оставляетъ ихъ въ покоѣ.

Само по себѣ „хунхузничество“ имѣетъ крайне деморализирующее вліяніе на мирное населеніе манчжуръ, что вполнѣ, конечно, понятно. Кромѣ того, мирные манчжуры опасаются выдавать грабящихъ ихъ хунхузовъ, изъ боязни мести со стороны послѣднихъ.

Районъ распространенія „хунхузничества“ захватываетъ почти всю Манчжурію, но главной ареной ихъ „дѣятельности“ являются рѣки, и преимущественно большія рѣки, какъ, напримѣръ, Сунгари. Какъ „свободный человѣкъ“ плыветъ хунхузъ на своей „джонкѣ“ (лодка) по широкой рѣкѣ; онъ сь „товарищами“ останавливаетъ встрѣчныя торговыя шаланды (баржи), забираетъ съ нихъ дань и ѣдетъ дальше; пристанетъ къ берегу, соберетъ дань съ попутной деревни—и снова дальше. Вотъ „жизнь“ и работа хунхузовъ.

Кромѣ всей долины р. Сунгари, много хунхузовъ водится близъ города Гирина, гдѣ мѣстность вполнѣ лѣсная, а потому и болѣе удобная для безнаказаннаго укрывательства. Попадаются отдѣльные хунхузы также и на всѣхъ нашихъ границахъ съ Китаемъ и Манчжуріей. Заходятъ они порою далеко вглубь нашего южно и сѣверно-Уссурійскаго края. Но здѣсь хунхузы нерѣдко попадаются въ руки нашего правительства, которое поступаетъ съ ними соотвѣтственно ихъ проступкамъ. Любимое оружіе манчжурскихъ хунхузовъ—ножъ, кинжалъ и какое-нибудь невозможное старое и необыкновенно тяжелое ружье, которое больше способно напугать боязливаго манчжурскаго купца, нежели причинить ему дѣйствительный вредъ. Сплошь и рядомъ у самого же хунхуза, при рѣдкихъ выстрѣлахъ изъ этой старой передѣланной „кремневки“ китайскаго типа, горой вздуваетъ щеку, ибо его допотопная пищаль страшно отдаетъ. Впрочемъ, хунхузы „двадцатаго вѣка“ уже запаслись хорошими скорострѣльными винтовками европейскаго образца; съ такимъ оружіемъ „современный хунхузъ очень не безопасенъ.

— Что еще сказать о хунхузахъ?..

Они одиноки (даже въ своей средѣ), обыкновенно безсемейны и жалки, главнымъ образомъ,

потому, что связь ихъ съ прошлымъ порвана, и возврата къ нормальной жизни часто почти нѣтъ; опій, хашинъ и всегда праздная жизнь—вотъ три главныхъ врага хунхуза.

Иногда бывшіе хунхузы принимаются снова за трудъ и становятся опять честными гражданами, т. е. также, какъ и наши золоторотцы...

Въ какомъ страхѣ Божіемъ держатъ хунхузы китайскую администрацію, объ этомъ читатель можетъ получить представленіе по такому, напримѣръ, курьезному казусу.

По рѣкѣ Сунгари и ея плодороднымъ долинамъ долго хозяйничала—въ манчжурскихъ деревняхъ и селеніяхъ шайка хунхузовъ. Разбойничья банда была хорошо организована и состояла человѣкъ изъ семидесяти опытныхъ манчжурскихъ разбойниковъ или хунхузовъ.

Всѣ эти семьдесятъ человѣкъ находились подъ командою одного манчжура, котораго въ окрестныхъ селеніяхъ называли „Капитаномъ хунхузовъ", т. е. „Начальникомъ манчжурскихъ разбойниковъ" *). Этотъ „капитанъ хунхузовъ" обложилъ данью всѣхъ мѣстныхъ жителей огромнаго района, гдѣ онъ „хунхузничалъ". Онъ былъ знаменитъ, слава его росла.

Манчжурское правительство, несмотря на всѣ усилія, не могло его изловить. Впрочемъ „капитанъ" не особенно и стѣснялся; онъ заявилъ манчжурскому правительству, что если его поймаютъ, то все равно онъ убѣжитъ. „Капитанъ хунхузовъ" пріобрѣлъ такую силу и популярность среди мѣстныхъ жителей, что вступилъ даже въ переговоры съ администраціей Манчжуріи, предлагая послѣдней сдѣлать его начальникомъ той области, гдѣ онъ занимался грабежами, угрожая въ противномъ случаѣ усилить грабежи и разбои. Конечно, этотъ хунхузъ могъ разсчитывать, что ему удастся бѣжать, въ случаѣ, если его поймаютъ, надѣясь на подкупность манчжурскихъ властей.

Манчжурское правительство, это было уже во время пріѣзда русскихъ въ концѣ 1897—98 г., согласилось назначить хунхуза начальникомъ, со всей бывшей у него шайкой. Однако, состоя на жалованьи у манчжурскаго правительства, „Капитану хунхузовъ", было поставлено условіемъ, что-

*) „Капитанъ"—слово, хорошо извѣстное среди китайцевъ, манчжуръ и на всемъ русскомъ дальнемъ Востокѣ. Оно перешло, очевидно, къ китайцамъ отъ моряковъ, вѣроятно, англичанъ и французовъ; хотя слово это—космополитическое. Капитанъ—на азіатскомъ Востокѣ—синонимъ „барина", „господина", „начальника" и т. п.

бы онъ занялся истребленіемъ всѣхъ другихъ хунхузовъ „его“ области.

До сихъ поръ онъ извѣстенъ подъ именемъ „Капитана хунхузовъ“ и дѣятельно преслѣдуетъ другихъ хунхузовъ въ своемъ районѣ, согласно условію его назначенія.

Японія.

Пространство. Вся Японская имперія имѣетъ 382,416 кв. кил. Островъ Ниппонъ имѣетъ 226,579 кв. кл., Сикокъ—18,210 кв. клм., Кіусіусъ о-вами Ліукіу 43,615 кв. клм. и Іезо—94,012 кв. клм. Изъ другихъ острововъ по пространству играетъ роль Формоза, принадлежащій Японіи съ 1895 года.

Народонаселеніе. Населеніе всей Японіи въ 1898 году состояло изъ 22.069,046 мущинъ и 21.685,307 женщинъ. По классамъ населеніе дѣлится: императорская семья 53 человѣка; знать—4551; рыцари или военный классъ—2.105,655 и народа 41.644,147 человѣкъ. Всѣхъ иностранцевъ было 10,531, изъ нихъ 5,206 китайцевъ, 2,118 англичанъ, 1,076 американцевъ, 523 нѣмца, 491 французъ, 297 русскихъ, 109 португальцевъ и 104 голландца.

Исторія Японіи. Японцы—выходцы съ материка Азіи. Принадлежащіе имъ теперь острова они завоевали у айновъ. Первымъ императоромъ былъ Джимму въ 660 году до Р. Х.

Сношенія съ европейцами завязались въ XVI в. Тогда же въ Японію пришли католическіе миссіонеры. Въ 1853 году у береговъ Японіи появилась американская эскадра съ предложеніемъ отъ президента Сѣверо-Американской республики открыть нѣсколько портовъ для торговли съ Соединенными Штатами. Японія принуждена была принять это предложеніе. Вскорѣ затѣмъ въ Нагасаки появилась русская эскадра съ предложеніемъ торговыхъ сношеній и просьбой уступить о-въ Сахалинъ. И это было принято правительствомъ Японіи.

Открытіе гаваней иностранцамъ вызвало сильное недовольство народа, закончившееся возстаніемъ и объявленіемъ войны европейцамъ. Тогда у береговъ Японіи появились флоты Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ. Японія была безсильна бороться съ такою силою, и правительство подтвердило прежніе трактаты съ иностранными державами.

Во внутренней жизни Японіи не все обстояло

благополучно. Власть микадо раздѣляли представители вліятельныхъ дворянскихъ родовъ, шогуны. Такимъ образомъ государственный строй носилъ характеръ феодальнаго. Распри феодаловъ привели къ тому, что въ странѣ водворилась полная анархія. Сношенія съ европейцами возбудили у японцевъ сознаніе необходимости заимствовать техническія и военныя усовершенствованія и также уничтожить шогуновъ и возстановить власть микадо.

Въ 1867 г. на престолъ вступилъ Мутсу-Гитто; между императорской властью и шогунатомъ произошло вооруженное столкновеніе, причемъ войска шогуната были разбиты на-голову. Въ послѣдующіе годы Японія произвела цѣлый рядъ реформъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія; въ 1889 году была введена конституція.

3-го іюня 1894 года Японія объявила войну Китаю изъ-за Кореи; результатомъ этой войны явилось присоединеніе къ Японіи острова Формозы, а Корея признана независимой.

Въ настоящее время страна покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ; почтовыя учрежденія устроены по европейскому образцу. Въ Японіи введено всеобщее обученіе; кромѣ правительственныхъ университетовъ, есть 4 частныя высшія учебныя заведенія. Признана свобода всѣхъ христіанскихъ и другихъ вѣроисповѣданій, причемъ церковь отдѣлена отъ школы.

У японцевъ очень развитъ интересъ къ прессѣ. Нѣтъ маленькаго городка, гдѣ бы не было своей газеты, большіе же имѣютъ ихъ десятками.

Торговля и промышленность Японіи сильно прогрессируютъ, благодаря этому страна завоевываетъ себѣ видное мѣсто среди торговыхъ государствъ.

Корея.

Пространство. Корея занимаетъ площадь въ 218 тыс. кв. километровъ и лежитъ южнѣе нашего Закавказскаго края, находясь на одной широтѣ съ южной Италіей. Корея—страна гористая и прорѣзана вдоль хребтомъ „Бѣлыхъ“ горъ, служащихъ продолженіемъ Манджурскихъ. Климатъ Кореи различенъ на обоихъ склонахъ горъ. Юго-восточная часть полуострова гораздо теплѣе сѣверо-западной. Въ южныхъ провинціяхъ растутъ пальмы, виноградъ, апельсинныя и лимонныя деревья.

Народонаселеніе. Въ Кореѣ жителей считается свыше 12 милліоновъ. Корейцы представляютъ

самостоятельное племя монгольской расы. Они гораздо выше японцевъ и китайцевъ. Въ высшихъ классахъ встрѣчаются типы, трудно отличаемые отъ европейцевъ.

Отношенія Японіи къ Кореѣ. Еще въ I вѣкѣ до Р. Х. Корея вела войну съ Японіей, и довольно удачно. Чтобы гарантировать себѣ безопасность со стороны Японіи, Корея добровольно стала въ вассальныя отношенія къ могущественному тогда Китаю и приняла китайскую культуру. Все-таки, въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ, японцы время отъ времени дѣлали разбойничьи набѣги на южную Корею.

Въ XV вѣкѣ впервые появилась среди корейскаго дворянства японская партія, цѣль которой была—ослабить китайское вліяніе, но населеніе Кореи всегда относилось къ японцамъ враждебно, особенно недолюбливая японскихъ купцовъ. Въ 1592—1598 гг. японцы сдѣлали набѣгъ на Корею, страшно опустошили страну, и лишь китайскія войска вытѣснили оттуда японцевъ.

Въ 1876 г. Японія заключила договоръ съ Кореей, по которому Корея была признана независимой. Однако, въ 1882 г. корейское населеніе возстало противъ японцевъ поголовно и выгнало ихъ изъ столицы, Сеула. Японскій посланникъ Ханабуса со свитой бѣжалъ въ Чемульпо на англійское судно. Въ 1884 г. японцы снова заняли Сеулъ, но черезъ недѣлю были снова изгнаны. Въ 1885 г. между Японіей и Китаемъ былъ заключенъ договоръ, по которому оба правительства обязались не посылать въ Корею своихъ войскъ. Японцы прочно устроились на югѣ Кореи, гдѣ захватили въ свои руки торговлю.

Въ 1893 и 1894 гг. въ южныхъ провинціяхъ возстало населеніе и корейское правительство просило помощи у Китая. Китайскія войска явились, но Японія тотчасъ же высадила и свой десантъ. На этой почвѣ возникла китайско-японская война, закончившаяся симоносекскимъ договоромъ.

Вмѣшательство Европы въ корейскія дѣла. Въ началѣ XIX вѣка появились въ Кореѣ миссіонеры и озлобили населеніе, отвергая культъ предковъ. Въ 1866 г. былъ казненъ католическій епископъ Бернье вмѣстѣ со своею миссіей. Франція послала три судна съ десантнымъ отрядомъ, чтобы наказать Корею. Однако, эта экспедиція потерпѣла неудачу и только усилила гоненія на христіанъ. Въ 1882 г. знаменитый Ли-Хунъ-Чангъ, чтобы ослабить японское вліяніе, способствовалъ заключенію съ европейскими державами договоровъ, по которымъ Корея открыла 3 порта и столицу для европейской торговли.

„Е. Н.“.

Провинціальныя замѣтки.

Интересъ къ Дальнему Востоку пробудился у насъ очень недавно: со времени японско-китайской войны. Отдаленность разстоянія, слабыя торговыя и промышленныя связи—все это оказывало вліяніе на малое знакомство наше съ азіатскимъ востокомъ. Интересовались больше своими внутренними дѣлами, а въ области хозяйственной и коммерческой—западно-европейскими рынками.

Востокъ представлялся намъ всегда, какъ страна соннаго покоя; страна въ которой пятьсотъ съ лишнимъ милліоновъ монгольскаго населенія работали исключительно на себя, не вели торговыхъ сношеній съ остальнымъ міромъ, не проявляли никакой активной политики, естественно, и не могли привлекать къ себѣ вниманіе европейцевъ. А своеобразная цивилизація, своеобразная ученость, казалось, обрекали эти страны на вѣчный покой, ограждали ихъ прочной стѣной отъ Европы и Америки. Столкновеніе европейскаго и азіатскаго міра произошло впервые на экономической почвѣ. Китаю стало тѣсно, и онъ сталъ посылать своихъ переселенцевъ въ Америку, преимущественио въ Калифорнію и азіатскія владѣнія Россіи. Огромная выносливость, способность довольствоваться очень малымъ, сразу образовали могущественную конкурренцію китайцевъ съ американскими рабочими, и американское правительство увидѣло себя вынужденнымъ принять рядъ ограничительныхъ мѣръ противъ наплыва китайцевъ. У насъ на востокѣ, при условіи малой населенности нашихъ азіатскихъ владѣній, конкурренція эта чувствовалась не такъ ужъ сильно, тѣмъ не менѣе и она давала себя знать. Пока медленно разрѣшались различные экономическіе вопросы, Востокъ медленно же выходилъ изъ своего соннаго состоянія. Первымъ дѣломъ онъ попытался заимствовать у Европы различныя техническія усовершенствованія, преимущественно въ военномъ искусствѣ. Нѣмецкіе инструкторы обучали китайцевъ европейскимъ военнымъ пріемамъ, а извѣстный нѣмецкій заводчикъ Круппъ сталъ снабжать ихъ пушками и мортирами. Эту сторону европейскаго техническаго прогресса, Востокъ заимствовалъ довольно быстро, обзавелся войскомъ и сталъ продѣлывать различные артикулы на нѣмецкій манеръ. Въ то же время въ Китай нагрянули почтенные отцы іезуиты, которымъ стало тѣсно на католическомъ Западѣ, и вооружили противъ себя значительную часть

азіатскаго населенія. Востокъ зашевелился. Въ глубинѣ его давно уже бродили различныя настроенія недовольства, вызваннаго дурнымъ управленіемъ китайскихъ мандариновъ и чиновниковъ, грабившихъ мирное и трудолюбивое населеніе.

Въ результатѣ вспыхнуло возстаніе боксеровъ, въ которомъ европейцамъ было очень трудно разобраться: оно являлось и протестомъ противъ мандариновъ и возстаніемъ противъ католическихъ миссіонеровъ и недовольствомъ народа противъ манчжурской династіи. Почти въ то же время выступила на сцену молодая партія реформаторовъ-китайцевъ, познакомившихся съ западно-европейской цивилизаціей и разобравшихся въ источникахъ своей внутренней неурядицы. Все это очень похоже было на шумный, но несыгравшійся концертъ, въ которомъ неизвѣстно какую ноту тянетъ каждый изъ отдѣльныхъ музыкантовъ. Параллельно съ этимъ пробужденіемъ Востока все шире завязывались торговыя и промышленныя сношенія Европы съ Востокомъ и возрастали отдѣльные интересы тѣхъ или другихъ державъ. Вопросъ и здѣсь поставленъ былъ на экономическую почву: спорили о торговомъ преобладаніи не только главнѣйшія государства Европы, но и Америка, которая также увидѣла въ Китаѣ одинъ изъ крупнѣйшихъ рынковъ для сбыта своихъ произведеній. Съ прокладкой и устройствомъ великаго сибирскаго пути экономическое преобладаніе на Востокѣ должно было выпасть на долю Россіи, что, конечно, не было на руку Англіи, видѣвшей въ Китаѣ лакомый кусокъ для себя. Уже съ самаго начала постройки сибирской дороги Англія затѣяла на Востокѣ различныя интриги, поддерживая броженіе въ различныхъ мѣстностяхъ Китая, раздувая существовавшее тамъ недовольство и т. д. Все это было ей на руку, помогало ей устраивать въ Китаѣ свои факторіи и таможни и обогащало лондонскій Сити.

Въ это же время окрѣпла и развивалась Японія, и Англія направила туда свое усердіе. Шагъ за шагомъ мы пришли къ тому, что Востокъ столкнулся съ Западомъ. Рано или поздно столкновеніе это должно было произойти — вопросъ только въ томъ, что оно могло быть сегодня и черезъ сотню лѣтъ. Такъ скоро его во всякомъ случаѣ не ожидали; знали, что Японія дѣлаетъ какія-то военныя приготовленія, укрѣпляли и мы свои границы, крѣпости и пр., но наше укрѣпленіе понималось такъ, что оно дѣлается лишь въ виду воз-

можныхъ событій. Разъ у насъ на Востокѣ имѣлись большія области, граничащія съ Китаемъ, естественно, приходилось заботиться объ обезпеченіи своихъ границъ, тѣмъ болѣе, что азіатскія владѣнія наши слабо заселены.

Всѣ европейскія государства боятся въ настоящее время войнъ, а Россія въ теченіе 25 слишкомъ лѣтъ проявляла неизмѣнное миролюбіе; тѣмъ не менѣе, въ силу сложившихся міровыхъ событій, всѣ государства содержатъ огромныя арміи, обезпечивая этимъ путемъ, такъ называемый, „вооруженный миръ“. И не самые расходы на войну, не жертвы даже пугаютъ современное человѣчество: въ теперешней войнѣ, которая стремится нанести вредъ не столько людямъ, сколько крѣпостямъ, фортамъ, кораблямъ и т. д.; человѣческихъ жертвъ, сравнительно, гораздо меньше, нежели въ старину. Но зато война приноситъ съ собою глубокія экономическія разстройства, которыя далеко не ограничиваются воюющими сторонами: война находитъ откликъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ міра, въ странахъ, далекихъ отъ театра войны: въ нынѣшніе дни, напримѣръ, въ Германіи, которая никакой войны не ведетъ, и заявила о своемъ нейтралитетѣ, торговцы и промышленники испытывали настоящую панику по приходѣ первыхъ извѣстій о начатіи Японіей военныхъ дѣйствій. Правда, значительную долю этой паники приходится отнести на счетъ биржевиковъ, которые пользуются всякимъ поводомъ для наживы и набиванія собственныхъ кармановъ, но несомнѣнно, что и сама война оказываетъ здѣсь сильное вліяніе.

Такимъ образомъ, русское общество смотрѣло на различныя военныя приготовленія, какъ на заботы объ обезпеченіи страны въ виду возможныхъ событій, быть можетъ, очень отдаленныхъ, и войны не желало, конечно. Правда, уже съ осени этого года ходили слухи объ обширныхъ военныхъ приготовленіяхъ Японіи, но такія же приготовленія дѣлались и Франціей, и Англіей и Германіей и не приводили къ столкновеніямъ между этими государствами. Вспомнимъ только англо-французскій инцидентъ съ Фашодой: тогда, казалось, Англія и Франція были уже наканунѣ объявленія войны — и, однако, конфликтъ разрѣшился благополучно. Поэтому, и въ настоящее время мы не ожидали такого столкновенія. Думалось, что Японія не объявитъ войны, а такъ какъ Россія и подавно не хотѣла воевать, то на лицо были всѣ данныя для мирнаго разрѣшенія вопроса. Судьба сулила ина-

че. Японія объявила намъ войну. Съ этимъ нужно считаться, какъ съ фактомъ, встрѣтить его спокойно, твердо и мужественно. Нужно позаботиться о семьяхъ ушедшихъ на войну войскъ, оказать, въ чемъ можно, помощь раненымъ, а затѣмъ остается только желать, чтобъ война окончилась какъ можно скорѣе, чтобъ она была наименѣе разорительной и предоставила бы возможность вернуться къ мирной культурной работѣ, которая всего нужнѣе.

II.

Помимо нашего русскаго столкновенія съ Японіей, теперешняя война имѣетъ огромное значеніе и для всего міра. Опредѣленно ставится для Европы гамлетовскій вопросъ „быть или не быть"—не теперь, конечно, а въ отдаленномъ будущемъ.

Есть ли война Японіи противъ насъ минутная вспышка, или же она знаменуетъ собою пробужденіе Востока вообще, за которымъ послѣдуетъ новое нашествіе монголовъ на Европу? На этотъ вопросъ трудно пока отвѣтить. Нѣмецкая печать чувствуетъ уже, что подобная перспектива не невозможна и поэтому очень опредѣленно высказывается въ томъ смыслѣ, что, если Японія воюетъ подъ лозунгомъ „желтые или бѣлые", то Германія конечно, примкнетъ къ бѣлымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ германскій императоръ, Вильгельмъ, нарисовалъ аллегорическую картину: европейскія государства, изображенныя въ видѣ женскихъ фигуръ, съ тревогой всматриваются въ даль на Востокъ, гдѣ виднѣется зарево пожара; на первомъ планѣ изображена Германія, за нею стоятъ Россія и Франція. Картина нарисована не совсѣмъ вѣрно: на первомъ планѣ должна бы быть поставлена Россія, такъ какъ ей первой пришлось бы встрѣтить натискъ Азіи, но въ общемъ картина вѣрно изображаетъ настроеніе европейскихъ народовъ. Къ Востоку, къ такъ называемой „желтой опасности", давно уже съ тревогой присматриваются въ Европѣ. Что сулитъ онъ, этотъ загадочный востокъ, таинственный, неизвѣданный? Чѣмъ живутъ многомилліонныя массы, населяющія Китай, Тибетъ, Индо-Китай? Какія историческія задачи преподносятся сознанію этихъ массъ? Какое идейное наслѣдство оставила имъ многовѣковая исторія? Все это такіе кардинальные, міровые вопросы, на которые не возьмется отвѣтить любой ученый историкъ. Въ XII—XIII вѣкахъ темный переворотъ въ глубинѣ Азіи выбросилъ въ Европу цѣлыя полчища монголовъ: почемъ знаемъ мы, что дѣлается въ этихъ

глубинахъ теперь? Самые смѣлые путешественники и изслѣдователи не проникали въ Азію далеко. Тибетъ и до сихъ поръ почти неизслѣдованная, неизвѣстная намъ страна. Европейскія колоніи въ Китаѣ и Индо-Китаѣ основаны по берегамъ рѣкъ, у крупнѣйшихъ городовъ и по морскому прибрежью: въ средину Китая не проникала еще нога европейцевъ. Мы знаемъ, что китайцы, напримѣръ, мирный и трудолюбивый народъ, съ отпечаткомъ восточнаго флегматизма, спокойствія, но мы знаемъ, что имъ уже тѣсно жить у себя, что первыя волны китайской эмиграціи хлынули уже въ Америку —правда, въ качествѣ мирныхъ переселенцевъ. Но у насъ нѣтъ никакихъ гарантій, что Китай когда нибудь не подымется добывать для себя новыя земли, не путемъ переселенія въ чужія страны, а съ оружіемъ въ рукахъ. И эта неизвѣстность заставляетъ задуматься. Она же, казалось бы, должна побуждать европейскіе народы сплотиться тѣснѣе, собрать воедино свои культурныя силы — не для нападенія на Азію, конечно, а для спокойнаго ожиданія, для того, чтобы быть увѣреннымъ въ своей готовности и возможности встрѣтить возможное нашествіе „желтыхъ". Съ этой точки зрѣнія Англія оказываетъ плохую услугу цивилизаціи, поддерживая въ Китаѣ всякія неурядицы и агитируя противъ другихъ соперничающихъ съ нею въ торговлѣ, государствъ. Съ этой точки зрѣнія и вѣчныя дрязги нѣмцевъ и чеховъ въ Австріи, выкликанія французскихъ націоналистовъ о реваншѣ и возмездіи Германіи за Эльзасъ-Лотарингію и столь же дикія завыванія джингоистовъ въ Англіи пріобрѣтаютъ вредный характеръ не только для тѣхъ странъ, въ которыхъ они раздаются, но и для Европы вообще. Подъ шумъ этихъ мелкихъ дрязгъ не слышно другихъ вопросовъ, которые звучатъ властно и громко. Дѣло идетъ не о дрязгахъ нѣмцевъ и чеховъ, а о европейской цивилизаціи. Изъ Европы вышли лучшія идеи, одушевлявшія когда-либо человѣчество. Европа обогатила міръ лучшими и чистѣйшими проявленіями человѣческаго духа и генія, добыла съ борьбой и страданіями ту сумму духовныхъ и матеріальныхъ благъ, которыя въ общемъ составляютъ культуру. Наконецъ, Европа провозгласила принципъ равенства всѣхъ народовъ и свела національные вопросы къ вопросамъ экономическимъ: отъ рѣшенія этихъ послѣднихъ зависитъ и рѣшеніе тѣхъ дрязгъ, которыя раздираютъ теперь, напр., нѣмцевъ и чеховъ. Отсюда неизбѣжный выводъ, что необходимо до-

рожить европейской цивилизацiей, что она составляетъ не только субъективную цѣнность для того или другого народа, а объективное благо. И не потому, конечно, нужно дорожить ею, что Востокъ грозитъ смести ее съ лица земли, нѣтъ! Что таитъ въ себѣ Востокъ—мы не знаемъ, и вотъ эта грозная неизвѣстность велитъ быть готовыми ко всякимъ случайностямъ и отстаивать съ такимъ трудомъ выработанныя формы европейской жизни и возможное развитiе, раскрытiе этихъ формъ въ будущемъ. Европа переживаетъ серьезный, историческiй моментъ столкновенiя двухъ культуръ, двухъ мiровъ; начинается новая страница исторiи — выступленiе на арену Востока, и если онъ идетъ именно, какъ таковой, и именно противъ Запада, какъ таковаго, то безусловно права германская печать, утверждая, что необходимо примкнуть къ „бѣлымъ".

„Ю. О."

Я. К. Яковлевъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

У С. С. ПОЛЯТУСА,

Коблевская, № 29, кв. 43.